

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве

Борис Васильевич ДОЛГОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12, Москва,

Российская Федерация

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-58624

ЦИТИРОВАНИЕ: Долгов Б.В. (2021). Россия и Турция в региональном и геополитическом пространстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 147–160.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению российско-турецких отношений в исторической ретроспективе. Выявляются региональные и геополитические задачи, стоявшие перед Россией в XVII – начале XX в., обусловленные необходимостью обеспечения безопасности и дальнейшего экономического развития страны. Представлены факторы, приводившие к столкновению интересов России и Турции, ставшие причиной в рассматриваемый период российско-турецких военных конфликтов, перемежавшихся тем не менее этапами партнерства и сотрудничества. Рассматриваются результаты российских военно-политических усилий, позволивших выполнить задачи по освобождению Крыма, выхода России к Черному морю и в Средиземноморский бассейн, поддержки балканских народов в завоевании ими национальной независимости, что значительно укрепило как региональные, так и геополитические позиции России. Выявляется характер российско-турецких отношений в советский период, прошедших этапы сотрудниче-

ства и конфронтации, обусловленной «холодной войной».

Основное внимание уделено детальному анализу современного периода взаимоотношений России и Турции. Выявлен характер действующей турецкой правящей элиты, представленной Партией справедливости и развития (ПСР), исповедующей идеологию умеренного исламизма и неосманизма. Рассматривается внутренняя социально-экономическая политика ПСР. Анализируются выдвигаемые руководством Турции цели и задачи, обусловленные стремлением продвигать турецкие интересы в регионы, входившие в состав Османской империи, занять лидерские позиции в мусульманском мире и играть свою роль в геополитике, и их влияние на российско-турецкие отношения. Рассматривается активизация турецкой внешнеполитической деятельности на различных направлениях в арабском мире, Европе, странах СНГ, мусульманских регионах РФ. В выводах анализируются различия и общие интересы во внешней политике России и Турции и возможность их сотрудничества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *российско-турецкие отношения, геополитика, турецкая правящая элита, умеренный исламизм, неосманизм.*

Исторический аспект

Длительный исторический период взаимоотношений России и Турции прошел различные этапы, характеризовавшиеся как противостоянием, так и попытками выстраивания взаимовыгодного партнерства и сотрудничества. Начало российско-турецких контактов относят к 1492 г., когда Иван III направил первое официальное послание османскому султану Баязиду II по вопросам урегулирования торговли, осуществлявшейся русскими купцами на территориях, контролировавшихся Османской империей. С XVI в. начинается длительный период российско-турецкого противостояния, обусловленный столкновением стратегических интересов России, становившейся империей и великой европейской державой, и Османской империей, захватившей огромные территории арабского мира и часть Европы, вышедшей на вершину своего могущества и провозглашавшейся исламскими суннитскими идеологами «пятым халифатом»¹, восприимчивей существовавшего в раннее Средневековье Арабского халифата. Этот период включал в себя 13 военных конфликтов, большинство из которых были успешными для России и которые тем не менее перемежались этапами партнерских и даже союзнических отношений.

В XVII–XVIII вв. геополитическими приоритетами для России, продиктованными жизненно важными интересами безопасности и дальнейше-

го экономического развития, являлись освоение Причерноморья, освобождение Крыма, откуда крымские ханы – вассалы Османской империи осуществляли регулярные набеги на российские земли, а также выход к Азовскому, Каспийскому, Черному морям и впоследствии в Средиземноморский бассейн, которые контролировались тогда Османской империей [Ключевский, 1995, с. 236]. К концу XVIII в. эти задачи были успешно решены. На протяжении XIX в. стратегической целью России, которая определяла ее политику в отношении Османской империи, являлась поддержка славянских народов в их национально-освободительной борьбе против османского владычества. При этом, несмотря на неудачный исход Крымской войны (1853–1856), обусловленный вступлением в нее Англии и Франции, стремившихся не допустить усиления России в Средиземноморье, эта цель была достигнута. В результате российских военноподипломатических действий ранее Греция в 1830 г. и впоследствии в 1878 г. Сербия, Черногория и Румыния получили независимость, Болгарии предоставился статус автономного княжества. Освобождение балканских народов от османского ига значительно укрепило как региональные, так и геополитические позиции России.

Во время Первой мировой войны (1914–1918) Османская империя, воевавшая на стороне Германии и Австро-Венгрии, потерпела ряд поражений от русской армии, проводившей успешные наступательные операции на Кавказском фронте вплоть до краха Российской империи в феврале 1917 г.

Начало советского периода было ознаменовано достаточно широким со-

¹ Согласно суннитской исторической традиции, существовали четыре халифата, следовавших за первым, которым считалась мусульманская община Пророка Мухаммеда, – Омейядский, Аббасидский, Фатимидский и пятый – Османский халифат, упраздненный Мустафой Кемалем Ататюрком 3 марта 1924 г. [Долгов, 2018, с. 231].

трудничеством Советской России с руководством Мустафы Кемаля Ататюрка, возглавившего Турецкую Республику после поражения Османской империи в Первой мировой войне. Такое сотрудничество во многом обуславливалось наличием общего противника, которого видели в лице стран Антанты как Советская Россия, так и Турция, а также стремлением советского руководства продвигать социалистическую идеологию в соответствии с доктриной «мировой революции». Так, в 1920–1922 гг. в Турцию, противостоявшую греческой армии, развивавшей наступление в районе Анатолии, поставлялось вооружение, боеприпасы, медикаменты. В 1921 г. между Советской Россией и Турцией был заключен мирный договор, в соответствии с которым Турция восстанавливала контроль над районом Карса. В Турции была создана коммунистическая партия, которая, однако, впоследствии в 1925 г., когда турецкое руководство стало восстанавливать отношения с Англией и Францией, была запрещена, а ее руководители арестованы и казнены. Тем не менее в 1930-е годы контакты между Турцией и СССР продолжали развиваться на основе подписанного в 1933 г. Договора о дружбе и сотрудничестве. В то же время в ходе начавшейся Второй мировой войны Турция, хотя и объявила о своем нейтралитете, поставляла стратегическое сырье Германии, пропускала через Черноморские проливы германские военные корабли, замаскированные под гражданские, и сосредоточила на границе с СССР, по разным данным, до 25 дивизий. Однако военные успехи СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции заставили Турцию объявить в феврале 1945 г. войну Германии, хотя

в военных действиях турецкая армия участия не принимала.

С началом «холодной войны» Турция в 1952 г. вступила в НАТО, ее руководство в 1961 г. согласилось на размещение на турецкой территории американских ракет средней дальности, спровоцировавшее ответные действия СССР, развернувшего советские ракеты на Кубе. Это во многом привело к «карибскому кризису» 1962 г. Тем не менее период 1970–1980-х годов был отмечен развивавшимся экономическим сотрудничеством и достаточно стабильными отношениями, закрепленными в межгосударственном договоре 1978 г.

Политика и интересы Турции на современном этапе

После распада СССР Турция, особенно с 2002 г., после прихода к власти президента Реджепа Тайипа Эрдогана, возглавлявшего Партию справедливости и развития (ПСР), начала продвигать свои экономические, политические и во многом религиозно-идеологические интересы в мусульманских районах России. Здесь, в частности в тюркоязычных республиках РФ, активно развивались экономические и политико-культурные контакты² с Турцией. Создавались турецкие колледжи, в которых преподавание велось на турецком и английском языках, активно работал турецкий бизнес, под лозунгом «общности тюркоязычного мира» проводились всевозможные фестивали и конкурсы. Такая политика обуславливалась достаточно амбициозными планами объединения всех тюркоязычных народов под эгидой Турции (возрождение Великого Турана) и политикой

2 Власти Татарстана заявили даже о признании т.н. «Турецкой республики Северного Кипра», что противоречило как внешнеполитическому курсу России, так и подавляющего большинства мирового сообщества [Надеин-Раевский, 2018, с. 151].

неоосманизма, предполагавшего продвижение турецкого влияния во все регионы, ранее входившие в состав Османской империи. В этой связи необходимо отметить, что правящая партия ПСР была основана выходцами из распущенной в 2001 г. исламистской Партии добродетели (ПД), которая наряду с турецко-османским национализмом исповедовала идеологию, близкую движению «Братьев-мусульман». Лидер ПСР Р. Эрдоган в молодые годы входил в руководство двух исламистских партий, а в период военных режимов в Турции отбывал тюремное заключение за публично высказываемую приверженность исламистским идеям.

После прихода к власти Р. Эрдогана его руководство в достаточной степени исламизировало общественно-политическую жизнь Турции. Это проявилось прежде всего в выдвижении на ключевые посты в руководящем государственном звене выходцев из ПД, ставших активными членами ПСР, а также представителей религиозно-политических организаций, разделяющих идеологию ПСР. Исламские суннитские ценности играли все большую роль в общественно-политической и культурной жизни Турции. Поэтому ислам и неоосманизм, сочетающийся с ориентированностью Р. Эрдогана на современное экономическое развитие и связи с ЕС, представляли собой идеологическую основу ПСР. Турецкое руководство использовало некую ностальгию части турецкого общества по успешным предыдущим историческим периодам и провозглашало необходимость учета османского наследия. В то же время концепция неоосманизма подпитывалась изменениями в расстановке сил на мировой арене, связанными с коллапсом социалистического лагеря и распадом СССР. Эти изменения открывали перед Турцией новые направления для внешнеполитического влияния – Азербайджан и Гру-

зия, мусульманские регионы РФ, Средняя Азия, Балканы, а также Ближний Восток. Турецкое влияние реализовывалось в политике, экономике, а также в распространении и популяризации турецкой культуры [Черниченкина, 2012, с. 93–94]. Однако в арабском мире турецкая экспансия встречала неоднозначный ответ, обусловленный таким же неоднозначным восприятием османского периода турецкой истории.

При этом официальным принципом внешней политики нового турецкого руководства стала провозглашенная министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу концепция «ноль проблем с соседями». Одной из ее целей являлось преодоление финансово-экономического кризиса 2001 г. путем расширения экономических связей с сопредельными государствами, в том числе с Сирией. В то же время основным направлением экономической программы ПСР как правящей партии стала реализация баланса между предлагаемыми МВФ стабилизационными фискальными и кредитно-денежными параметрами и активной социальной политикой в соответствии с Конституцией, провозглашавшей Турцию социальным государством. Впоследствии Турция отказалась от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ и экономическая политика страны стала определяться трехгодичными программами, что принесло определенный эффект. Так, по итогам 2011 г. ВВП Турции вырос на 5%. Улучшение экономической ситуации позволило увеличить финансирование образования и науки. Так, за период с 2002 по 2011 г. было построено 163 тыс. новых школ, начался переход к бесплатному обеспечению учебниками учеников начальных и средних школ, число университетов выросло с 76 до 165, их бюджет увеличился в пять раз [Ульченко, 2012, с. 75]. При этом планы экономическо-

го развития постоянно включали в качестве стратегической составляющей предоставление преференций производителям продукции с высокой добавленной стоимостью на основе самых современных и наукоемких технологий. Это касалось также производства вооружений турецкого ВПК. Так, Турция начала строить современные боевые корабли, бронетехнику, БПЛА³. Р. Эрдоган провозгласил цель превратить Турцию к 2023 г. (100-летний юбилей создания Турецкой Республики) в страну, производящую и экспортирующую свои танки, самолеты, вертолеты, БПЛА. В зарубежных и российских СМИ появлялись также сообщения о существующих планах создания турецкого ядерного оружия, не подтвержденные тем не менее официальными турецкими властями.

Большое внимание турецкое руководство уделяло вопросам социальной политики, сокращению безработицы и борьбе с бедностью. Одним из основных каналов ее реализации являлся Фонд социальной поддержки и солидарности. Эффективная организация его деятельности через 973 вакфа-отделения, расположенных по всей структуре административного деления Турции вплоть до наиболее мелких территориальных подразделений, позволила охватить к 2010 г. предоставлением социальной поддержки, в том числе ме-

дицинского обслуживания, образования, социального жилья, около 10 млн граждан. Основной упор в работе фонда был направлен на стимулирование производительной деятельности, создание проектов по увеличению занятости посредством программ профессиональной подготовки, кредитов малым и сельскохозяйственным предприятиям. Значительная поддержка, оказываемая турецким руководством деятельности фонда, связана также с тем, что его цели и особенности функционирования сочетаются с мусульманской концепцией взаимопомощи и взаимответственности членов мусульманской *уммы*. При этом часть турецкого политического истеблишмента позиционировала деятельность этого фонда как современное воплощение османской традиции благотворительности.

Тем не менее определенный сегмент турецкого общества (в особенности часть военных, профессорско-преподавательского состава и журналистского сообщества), ориентированный на светское развитие Турции, не воспринимал позитивно исламизацию общественно-политической жизни и усиление роли исламских ценностей. Отражением таких настроений стала неудачная попытка военного переворота в июле 2016 г., спровоцировавшая волну репрессий против оппозиционных сил⁴.

3 Так, например, в 2011 г. на воду был спущен первый боевой корабль (фрегат), полностью спроектированный и оснащенный вооружением, созданным турецкими специалистами, завершены испытания беспилотного самолета «Анка», который, по данным экспертов, способен совершать полеты на высоте 10 тыс. метров, оставаясь в воздухе 24 часа.

4 В ночь на 16 июля 2016 г. ряд подразделений турецкой армии попытались захватить в Стамбуле и Анкаре правительственные учреждения и студии центральных телеканалов, а также была предпринята воздушная атака на место пребывания президента Эрдогана, который незадолго до нападения его покинул. Эрдоган обратился с призывом к своим сторонникам противостоять попытке государственного переворота. По сообщениям зарубежных СМИ, с таким же призывом обратились к населению имамы многих мечетей. В результате тысячи турецких граждан заблокировали передвижение военных. В то же время сообщалось о демонстрациях в поддержку действий военных. Тем не менее попытка переворота была подавлена. По данным МВД Турции, в общей сложности после попытки государственного переворота в Турции были помещены под стражу более девяти тысяч человек, большая часть из них – военные, а также журналисты. Руководство Эрдогана объявило, что за попыткой переворота стоял проживающий в США мусульманский богослов Фетхуллах Гюлен, возглавлявший созданное им мусульманское движение «Хизмет». Сам он эти обвинения отрицал. Власти США предупредили, что не выдадут 75-летнего проповедника, если не получат убедительные доказательства его вины. Как сообщали турецкие власти, жертвами попытки государственного переворота стали 145 гражданских лиц, 63 полицейских и военнослужащих и 24 заговорщика [Долгов, 2016, с. 122].

В то же время провал военного переворота свидетельствовал, что значительная часть в основном религиозно настроенных турецких граждан как в провинции, так и в крупных городах и в политическом истеблишменте поддержала Р. Эрдогана и его политический курс. Сам Р. Эрдоган, выступая перед своими сторонниками, заявил, что его и Турцию от военного переворота спасла «рука Аллаха». В дальнейшем по результатам проведенного референдума по превращению Турции в президентскую республику президент Эрдоган получил дополнительные властные полномочия (хотя результаты референдума свидетельствовали об определенном расколе в турецком обществе: 51% – за, 49% – против). Причем сторонники Р. Эрдогана, стремясь всячески возвысить его имидж как национального лидера, называли его «отцом турок» (*Ата Тюрк* – турецк. яз.) [Kerel, 2018, p. 396], так же как основателя Турецкой Республики Мустафу Кемаля Ататюрка.

Внешнеполитические амбиции Турции и российско-турецкие противоречия

Турецкие руководители, получив поддержку значительной части общественно-политических сил и подавив оппозицию, продолжали и во многом активизировали проводившийся политический курс, стремясь закрепить позицию Турции как регионального центра силы и претендуя на свою роль в глобальной политике. При этом Турция стремится к лидерству в исламском мире, что поддерживается частью исламистских деятелей. Так, видный тунисский идеолог политического исла-

ма, руководитель тунисской исламистской партии «Нахда» (Возрождение), избранный в 2019 г. спикером парламента Туниса, Рашид Ганнуши в ходе переговоров в Стамбуле с президентом Эрдоганом заявил, что «после разгрома “арабской весны” диктаторами именно Турция под руководством Эрдогана стала лидером Исламского мира»⁵. Наряду с этим внешнеполитическая активность Турции реализуется в продвижении экономических, военно-политических и религиозно-идеологических интересов на целом ряде направлений, а именно: в государствах бывшего СССР, в определенной степени в выше-названных тюркоязычных республиках РФ, в Крыму, воссоединение которого с РФ не признается турецким руководством, в Ливии, Сирии, районе Восточного Средиземноморья, в Европе, где активно действует турецкая диаспора, часть которой курируется турецкими властями. Причем внешняя политика Турции отличается последовательностью, решительностью и жесткостью, зачастую игнорирующей интересы других стран, в том числе России.

Так, Турция активно продвигала свою военно-политическую, экономическую и идеологическую экспансию в арабском мире, в частности в Катаре, имеющем с Турцией союзнические отношения и в котором создавались две турецкие военные базы. В Тунисе Турция поддерживала исламистскую партию «Нахда» (Возрождение), многие члены которой воевали в рядах радикальной вооруженной оппозиции в Сирии. В Ливии Турция оказывала активную поддержку в происходившем в этой стране гражданском конфликте вооруженным отрядам Правительства национального согласия (ПНС), значительная часть которых исповедовала

5 Ганнуши: Запад – оппортунист, Турция – лидер Исламского мира (2016) // Голос ислама. 16 августа 2016 // <https://golosislama.com/news.php?id=30073>, дата обращения 27.01.2020.

идеологию «Братьев-мусульман». Так, в 2020 г. Турция направила для поддержки этих отрядов боевиков из лояльных Турции сирийских вооруженных группировок. Затем, заключив с ПНС соглашение о разработке полезных ископаемых на ливийском шельфе, военно-техническом сотрудничестве и в сфере разведки, начала массированную переброску в Ливию вооружений, включая бронетехнику, системы ПВО и БПЛА. Получив столь мощную военную поддержку, военные формирования ПНС начали наступательные операции против Ливийской национальной армии (ЛНА), возглавляемой маршалом Халифой Хафтаром, поддерживавшим противостоявшее ПНС правительство, сформированное парламентом Ливии в Тобруке. В результате формирования ПНС одержали ряд военных успехов, отбросив ЛНА от Триполи, заняв район по ливийско-тунисской границе и продвинувшись на восток Ливии до г. Сирта. При этом Турция, осуществляя активную военную поддержку ПНС, которую она оправдывает официальным признанием ПНС со стороны ООН, в то же время нарушала решения международной конференции по Ливии, состоявшейся в Берлине в январе 2020 г. Участники этой конференции, представлявшие целый ряд европейских и арабских стран, ЕС, Африканский союз, ЛАГ, которая проводилась под эгидой Генерального секретаря ООН, призывали стороны ливийского конфликта к диалогу, наложили эмбарго на поставки вооружений в Ливию и внешнее вмешательство в ливийский конфликт. Со своей стороны Турция обвиняла во вмешательстве в ливийский конфликт

на стороне ЛНА Египет, ОАЭ, Судан и даже Россию, заявляя, что военные российских частных охранных предприятий якобы воюют в Ливии и военные самолеты РФ, базировавшиеся на российской военной базе в сирийском Хмеймиме, якобы действовали на стороне ЛНА.

В то же время в результате действий Турции между ВМС Франции, выполнявшими решения берлинской конференции по эмбарго по Ливии и пытавшимися досмотреть турецкий транспорт с вооружением для ПНС, и сопровождавшими его ВМС Турции произошел инцидент, едва не закончившийся военным столкновением. Такого рода инциденты имели место также между Грецией и Кипром, с одной стороны, и Турцией – с другой, в связи с предпринятыми Турцией геологоразведочными работами по освоению нефтегазовых месторождений в районах Средиземного моря вблизи Кипра и акватории греческих островов, которую Греция считает своими территориальными водами. При этом Франция призвала руководство НАТО осудить действия Турции, а Греция предложила ввести против Анкары санкции⁶. В свою очередь руководство Египта в ответ на просьбу о военной помощи со стороны ливийского правительства в Тобруке заявило, что готово направить свои войска для поддержки ЛНА. В этой связи необходимо отметить, что на территории Египта, в районе Синайского полуострова, продолжают совершать террористические акции радикальные группировки «Братьев-мусульман», с которыми ведет борьбу египетская армия. Поэтому

6 Обострению греко-турецких отношений в достаточной степени способствовало решение Турции превратить в действующую мечеть древнейшую (построена в VI веке н.э.) и самую большую византийскую базилику Св. Софии, имевшую с 1934 г. статус музея. Такое решение турецкого парламента, подтвержденное президентом Р. Эрдоганом в июле 2020 г., вызвало негативную реакцию в ООН и во многих странах христианского мира, в особенности в тех, где исповедуется православие, и в наибольшей степени в Греции, а также в России.

продвижение ливийских вооруженных формирований ПНС, в которых преобладают последователи «Братьев-мусульман», к египетской границе вызывало обеспокоенность руководства Египта. США со своей стороны призвали Грецию не обострять ситуацию и предупредили Египет о возможности наложения на него американских санкций в случае введения египетских войск на ливийскую территорию. Вместе с тем обострение ситуации в Ливии обсуждалось в июле 2020 г. на переговорах между министрами иностранных дел России и Алжира, которые заявили о необходимости политического урегулирования ливийского конфликта⁷.

Противоречия между Россией и Турцией проявились также в различных позициях сторон по сирийскому конфликту. Турецкое руководство, представленное ПСР, как отмечалось выше, является умеренными исламистами, идеологически близкими исламистскому движению «Братьев-мусульман». В связи с этим свержение светского баасистского режима в Сирии и приведение к власти суннитских исламистских сил отвечало турецким интересам. В то же время Турция, претендуя на роль лидера мусульманского суннитского мира⁸, каковым являлась Османская империя, в состав которой на протяжении 400 лет (XVI – начало XX в.) входила Сирия, имеет в ее отношении аннексионистские «имперские»⁹, как определял их министр информации Сирийской Арабской Республики (САР),

амбиции. При этом турецкий проправительственный истеблишмент оправдывал поддержку сирийской вооруженной оппозиции заявлениями о том, что в Сирии якобы имела место «народная революция, являвшаяся продолжением революций в Восточной Европе в конце 1980-х – начале 1990-х годов»¹⁰.

Турецкие амбиции в отношении Сирии реализовывались посредством оккупации района Сирии, расположенного вдоль сирийско-турецкой границы, где в основном проживает сирийское тюркоязычное население (туркоманы). Здесь действуют сформированные турецкими спецслужбами вооруженные группировки, воюющие против сирийской правительственной армии [Raimbaud, 2015, p. 550]. В то же время свои действия Турция аргументировала необходимостью обезопасить территорию Турции от проникновения курдских вооруженных формирований – Отрядов народной самообороны (YPG), которых Турция считает террористической организацией, связанной с Курдской рабочей партией, совершающей вооруженные акции в Турции. При этом Турция входила в некое противостояние с США, поддерживавшими курдские силы.

В то же время Турция, несмотря на то что она являлась наряду с Россией и Ираном страной – гарантом Астанинских соглашений, тем не менее поддерживала сирийские исламистские группировки, разделявшие идеи «Братьев-мусульман», определяя их как умерен-

7 В результате ряда раундов переговоров 15.03.2021 г. в Женеве был сформирован новый состав Президентского совета и правительства Ливии. Цель нового руководства страны – добиться национального единства и подготовить всеобщие выборы. Одним из самых сложных вопросов на этом пути остается присутствие в Ливии до 20 тыс. иностранных наемников.

8 Во время встречи сирийской оппозиции с представителями неправительственных международных организаций в Стокгольме в апреле 2017 г. один из участников встречи рассказывал автору этих строк, участвовавшему в данной встрече, что в среде сирийской исламистской оппозиции президента Эрдогана называют «Амир аль-мууминин» (Повелитель правоверных – титул халифа) (Стокгольм. 11 апреля 2017 г. Архив автора).

9 Беседа с министром информации САР Омраном аз-Зааби (Дамаск. 24 июля 2015 г. Архив автора).

10 Такую риторику автор слышал в выступлениях турецких историков, участвуя в международном коллоквиуме «Политика Турции, Ирана, Китая и России в отношении кризиса в Сирии», проходившем в Турецком государственном университете в Анкаре 9.03.2012 (Анкара. 9 марта 2012 г. Архив автора).

ную оппозицию. Такая поддержка была обусловлена тем, что, во-первых, они исповедовали близкую турецкой исламистскую идеологию, а во-вторых, стремлением Турции иметь лояльные военно-политические силы в Сирии для продвижения здесь своих интересов.

Наряду с этим необходимо признать также влияние фактора наличия большого количества сирийских беженцев в Турции, которая приняла, по приблизительным оценкам, около 3,7 млн (больше, чем все остальные страны мира вместе взятые). Присутствие такой массы беженцев провоцирует определенные проблемы, такие как периодическое обострение взаимоотношений части местного населения с беженцами по поводу рабочих мест, известный рост уровня преступности в местах их проживания, так как среди беженцев встречается криминальный элемент и боевики, входившие в состав экстремистских сирийских группировок.

Такая ситуация вызывает растущее недовольство турецкой общественности, что, в свою очередь, заставило Эрдогана в 2020 г. заявить, что Турция уже не сможет принимать новые потоки беженцев. Достаточно важной причиной, по которой руководство Эрдогана поддерживает ряд исламистских группировок в районе сирийского Идлиба, является также, с одной стороны, стремление Р. Эрдогана подтвердить свой имидж сильного и решительного мусульманского лидера и Турции, как защитницы мусульман, в частности в Сирии от «алавитской власти Асада и его союзников». С другой стороны, на политику Эр-

догана значительное влияние оказывает позиция руководства Националистической партии действия (НПД), являющейся главным союзником партии ПСР, возглавляемой Эрдоганом в правящей правительственной коалиции. Так, руководитель НПД Девлет Бахчели заявлял в парламенте Турции о необходимости пересмотра «руководством страны своих отношений с Москвой. Гибель турецких солдат лежит на совести как сирийского режима, так и России, которая подталкивает Дамаск на эти действия. До тех пор пока Асад не будет свергнут со своего трона, ни в Сирии, ни в Турции не будет спокойствия»¹¹.

Такая позиция Турции особенно проявилась в районе Идлиба в феврале-марте 2020 г. в конфликте между сирийской правительственной армией и поддерживаемыми Турцией исламистскими группировками, которые неоднократно совершали провокационные обстрелы позиций сирийских правительственных войск и населенные пункты, включая пригороды Алеппо. В ответ сирийская правительственная армия при поддержке российских ВКС проводила операции по подавлению данных группировок и освобождению территорий, контролируемых ими.

Возможности партнерства России и Турции

Россия и Турция по-разному оценивали сирийский конфликт и прошли через серьезные испытания в своих отношениях¹². Вместе с тем действия Турции

11 Лидер соправящей партии Турции: мы должны свергнуть Асада в Дамаске (2020) // Голос ислама. 11 февраля 2020 // <https://golosislama.com/news.php?id=38048>, дата обращения 23.03.2020.

12 Наряду с атакой турецких ВВС, в результате которой в ноябре 2016 г. был сбит российский военный самолет, погиб российский летчик и участвовавший в попытке его спасения российский военный летчик, в декабре 2016 г. в Стамбуле в результате теракта погиб российский посол в Турции А. Карлов. В него стрелял бывший сотрудник спецназа турецкой полиции, уволенный, по заявлениям турецких властей, из органов полиции за его связи с участниками попытки государственного переворота в июле 2016 г. Аналогичные связи, также по заявлениям турецких властей, имели турецкие летчики, сбившие российский военный самолет.

по продвижению своих интересов в регионе в ряде случаев, в частности по курдскому вопросу, вступали в противостояние с политикой США. Поэтому Турция, стремясь утвердить свой статус независимого регионального лидера и заинтересованная в сотрудничестве с Россией, стала участницей наряду с Ираном и Россией Астанинского переговорного процесса, начавшегося в 2017 г., что содействовало снижению остроты сирийского конфликта. Этому во многом способствовали успешные политические и дипломатические действия России в отношении Турции¹³, как одного из наиболее влиятельных региональных центров силы. Таким образом, России удалось не допустить повторения в Сирии «ливийского сценария» и сохранить сирийскую государственность. В то же время необходимо согласиться с отечественными исследователями, высказывавшими мнение, что следует выработать «выверенную и объективную позицию в отношении Турции, имеющей большую значимость для России и тем не менее становившейся, как это не раз бывало в истории, ее врагом» [Аватков, 2015, с. 34].

Еще одним испытанием для российско-турецких отношений стало обострение конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу принадлежности Нагорного Карабаха. При этом здесь также значительную роль играла Турция и использование ею своего влияния в сирийском конфликте. Противостояние Армении и Азербайджана, ставших независимыми государствами в результате распада СССР, продолжалось в форме вялотекущего

конфликта более 30 лет. Однако в сентябре 2020 г. между двумя странами начались активные боевые действия с использованием современных видов вооружений, в результате которых обе стороны несли значительные потери среди военнослужащих, а также мирного населения. Руководство Турции во главе с Р. Эрдоганом сразу заявило о решительной поддержке «братского азербайджанского народа». Представители турецкого государственно-политического истеблишмента и СМИ провозглашали лозунг «два государства – один народ», тем самым выдвигая на первый план турецко-азербайджанскую этническую близость, а также подтверждая тесное экономическое и военно-политическое сотрудничество между Турцией и Азербайджаном. Так, за несколько недель до начала обострения конфликта прошли совместные азербайджано-турецкие военные маневры и часть турецкой военной техники, в частности боевые самолеты, как подтвердил президент Азербайджана И. Алиев, осталась на территории Азербайджана. Причем Турция в достаточно агрессивной форме требовала от армянской стороны освободить «незаконно оккупированные азербайджанские территории» в районе Нагорного Карабаха. При этом армянская сторона и ряд СМИ обвиняли Турцию в переброске из района Идлиба в Сирии значительного числа сирийских боевиков из лояльных Турции исламистских группировок и использование их в боевых действиях наряду с турецкими военными советниками и турецким вооружением.

13 На позицию России в отношении Турции в сирийском конфликте влияет также такой фактор, как контроль Турции над проливами Босфор и Дарданеллы, через которые проходят коммуникации России с российскими военными базами в Хмеймиме и Тартусе в Сирии, а также транспортировка грузов в рамках российско-сирийского военно-технического сотрудничества. В то же время в Турции дебатруется вопрос о выходе из Конвенции Монрёй от 1936 г., закрепившей за проливами международный статус. Стремление Турции утвердить свой контроль над проливами подтверждается также реализацией проекта нового канала «Стамбул», соединяющего Черное и Мраморное моря, параллельного Босфору, который поддерживает президент Эрдоган.

Так, американские издания «Washington Post» и «Wall Street Journal» сообщали о гибели в боевых столкновениях в Нагорном Карабахе более 50 сирийских боевиков, воевавших на стороне Азербайджана, и о передаче их тел сирийским родственникам. В свою очередь президент Сирии Б. Асад подтвердил переброску Турцией исламистских боевиков в район Нагорного Карабаха и заявил в интервью РИА Новости, что «руководитель Турции Р. Эрдоган является подстрекателем и вдохновителем обострения армяно-азербайджанского конфликта»¹⁴. При этом как представители Азербайджана, так и Турции отвергали эти обвинения, заявляя в свою очередь, что на стороне Армении воюют курдские формирования, прибывающие из Сирии. Тем не менее направление в район Нагорного Карабаха сирийских боевиков, в том числе из радикальных исламистских группировок, запрещенных в России и признанных ООН террористическими, а именно «Джабхат ан-Нусра», «Фиркат Хамза», «Султан Мурад», подтвердили также руководитель Службы внешней разведки (СВР) РФ С. Нарышкин¹⁵ и президент Франции Э. Макрон. При этом С. Нарышкин отметил возможность проникновения данных исламистских боевиков на территорию РФ и возникновения угрозы совершения ими здесь

террористических акций¹⁶. Такая политика Турции в армяно-азербайджанском конфликте, направленная на продвижение турецких военно-политических и экономических интересов в район Южного Кавказа, обусловлена, как отмечалось выше, турецкой стратегией неоосманизма, а также стремлением позиционировать Турцию как лидера мусульманского мира.

Необходимо отметить, что Россия, а также ведущие страны Запада и члены ООН высказались за немедленное прекращение вооруженных действий и политическое решение конфликта. С аналогичным заявлением выступила международная Контактная группа по конфликту в Нагорном Карабахе, в которую входят Россия, США и Франция. В свою очередь Азербайджан предложил официально подключить Турцию к процессу разрешения конфликта. Наряду с этим в октябре 2020 г. по предложению руководства России в Москве состоялись переговоры министров иностранных дел Армении и Азербайджана. Затем в начале ноября 2020 г. в ходе переговоров руководителей России, Армении и Азербайджана было заключено соглашение о прекращении боевых действий, передаче ряда районов Азербайджану, что ранее подтверждалось международными договоренностями, и размещении

14 Асад назвал Эрдогана инициатором конфликта в Карабахе (2020) // РИА Новости. 6 октября 2020 // <https://ria.ru/20201006/karabakh-1578356443.html>, дата обращения 6.10.2020.

15 Нарышкин заявил о переброске тысяч террористов в Нагорный Карабах (2020) // Коммерсантъ. 6 октября 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4520578?id1953226>, дата обращения 6.10.2020.

16 На территории РФ в районе г. Грозного в октябре 2020 г. российскими правоохранительными органами были ликвидированы трое исламистских террористов, при этом погибли двое российских военнослужащих. При этом президент Чеченской Республики Р. Кадыров подтвердил, что местное бандподполье в Чечне ликвидировано, а данные террористы прибыли из Сирии и нелегально проникли на чеченскую территорию. В этот же период в г. Ростове-на-Дону российскими силовыми структурами была обезврежена группа исламистских террористов, планировавших серию террористических актов против государственных учреждений и исторических памятников. В то же время российские ВКС нанесли точечные удары по лагерям подготовки и местам дислокации сирийских исламистских группировок, признанных террористическими, в районе Идлиба, в том числе по тем, из которых боевики направлялись в Нагорный Карабах. В результате были уничтожены места сосредоточения боевиков, склады вооружения и военной техники, а также командные пункты, в которых находились представители командного состава поддерживаемой Турцией так называемой Сирийской национальной армии – СНА (предыдущее название Сирийская свободная армия), в частности, был уничтожен один из командиров СНА Абу-Дияб (см.: [Цели обнаружены: ВКС России зависли над лагерями подготовки террористов для войны в Карабахе (2020) // Русская весна. 9 октября 2020 // <https://rusvesna.su/news/1602179832>, дата обращения 18.10.2020]).

российского миротворческого контингента на линии соприкосновения азербайджанских и армянских войск в течение пяти лет. В то же время на территории Азербайджана создавался совместный российско-турецкий Центр по мониторингу выполнения условий соглашения по прекращению огня, период функционирования которого определялся в один год. Заключенное соглашение о прекращении огня способствовало снижению остроты конфликтной ситуации.

Выводы

В качестве выводов можно констатировать, что развитие российско-турецких отношений, история которых насчитывает более 500 лет, проходило достаточно сложно и неоднозначно. В нем, с одной стороны, имели место периоды противостояния и конфликтов, обусловленные различием геополитических и региональных целей и задач. С другой стороны, были этапы партнерства и сотрудничества, связанные с общими экономическими и политическими интересами. В современный период новейшей истории экономический фактор в международной политике играет все большую роль, что нашло отражение и в российско-турецких отношениях. В 2010 г. лидерами двух стран был учрежден Совет сотрудничества высшего уровня (ССВУ) – руководящий орган под председательством глав обоих государств. ССВУ координирует реализацию наиболее важных проектов торгово-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества, в частности таких, как «Турецкий поток» и строительство атомной электростанции «Аккую». Действует совместная программа подготовки турецких специалистов в области атомной энергетики. В то же время в совре-

менной геополитике проявляется тенденция применения жестких методов в достижении целей. Российская внешняя политика основана на соблюдении международных правил и законодательства и тем не менее данную тенденцию нельзя не учитывать, что предполагает наряду с открытостью к диалогу и сотрудничеству всемерное отстаивание российских национально-государственных интересов.

Список литературы

- Аватков В.А. (2015). Турция и Россия в поиске своего места в мире: общий контекст или стена непонимания // Орлов А.А., Аватков В.А., Дружиловский С.Б., Федорченко А.В. (ред.). Турция в новой мировой политической среде. Материалы Третьей международной конференции экспертов-тюркологов. М.: ИМИ МГИМО МИД России. С. 29–34.
- Долгов Б.В. (2016). Феномен «арабской весны» 2011–2016: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М.: ЛЕНАНД.
- Долгов Б.В. (2018). Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2017. М.: ЛЕНАНД.
- Ключевский В.О. (1995). Русская история. Книга третья. М.: Мысль.
- Надеин-Раевский В.А. (2018). Пантюркизм: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама.
- Ульченко Н.Ю. (2012). Социально-экономическое развитие Турции в период правления Партии справедливости и развития // Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. (ред.). Турция в период правления Партии справедливости и развития. Сборник статей. М.: ИВ РАН. С. 63–78.
- Черниченкина Н.И. (2012). Политическая идентичность ПСР как фактор

ее успеха в качестве партии власти // Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. (ред.). Турция в период правления Партии справедливости и развития. Сборник статей. М.: ИВ РАН. С. 91–104.

Kepel G. (2018). Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient, Paris.

Raimbaud M. (2015). Tempête sur le Grand Moyen-Orient, Paris.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Russia and Turkey in Regional and Geopolitical Space

Boris V. DOLGOV

DSc in History, Leading Researcher

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 107031,

Rozhdestvenka St., 12, Moscow, Russian Federation

E-mail: dolgov.boris@list.ru

ORCID: 0000-0001-6541-58624

CITATION: Dolgov B.V. (2021). Russia and Turkey in Regional and Geopolitical Space. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 3, pp. 147–160 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-8

Received: 10.03.2021.

ABSTRACT. *The article is devoted to examine Russian-Turkish relations in the historical retrospective review. The regional and geopolitical goals which Russia had to realize in XVII – beginning XX centuries and which is stipulated the necessity to ensure Russia security and further economical development are revealed. The factors which led to push of Russia and Turkey interests and which became the cause of Russian-Turkish military conflicts which is occurred at interval of cooperation and partnership in this period are represented. The results of Russian military and political efforts which allowed realize the tasks to liberate Crimea, for Russia passage to Black Sea and to Mediterranean Sea basin, to support Balkan peoples to win their national independence, what strengthened Russian regional and geopolitical positions considerably are examined. The character of Russian-Turkish relations in Soviet peri-*

od which passed the stages of the cooperation and confrontation which caused “Cold War” is revealed.

The main attention is allotted to analyze in details the recent stage of Russia – Turkey relations. The character of the actual Turkish ruling elite, which is represented of the Justice and Development Party (JDP), which is confessing the ideology of the moderate Islamism and Neo Osmanism is exposed. The internal social and economical politics of JDP is examined. The goals and intentions, which Turkish leadership pushed forward, are analyzed and their influence on Russian-Turkish relations is inspected. The activity of the Turkish foreign politics on the different directions in the Arab World, Europe, countries of CIS, Moslem regions of Russian Federation is examined. In the conclusions the differences and common interests in the foreign politics of Russia and Turkey and the possibility of their cooperation are analyzed.

KEYWORDS: *Russian-Turkish relations, Turkish ruling elite, geopolitics, moderate Islamism, Neo Osmanism.*

References

- Avatkov V.A. (2015). Turkey and Russia in Finding for Their Place in the World: Common Context or Wall of not Understanding. *Turkey in New Political Environment of the World. Materials of Third International Conference of Experts-turkologues* (eds. Orlov A.A., Avatkov V.A., Drujilovsky C.B., Fedorthenko A.V.), Moscow: MGIMO, pp. 29–34 (in Russian).
- Chernichenkina N.I. (2012). Political Identity of PJD as Factor of Its Success as Party of Authority. *Turkey in Ruling Period of Party of Justice and Development* (eds. Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V.), Moscow: Institute of Oriental Studies, pp. 91–104 (in Russian).
- Dolgov B.V. (2016). *Phenomenon of "Arab Spring" 2011–2016: Causes, Development, Perspectives. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria*, Moscow: LENAND (in Russian).
- Dolgov B.V. (2018). *Islamist Movement in Algeria and Tunisia: 1970–2017*, Moscow: LENAND (in Russian).
- Kepel G. (2018). *Sortir du chaos. Les crises en Méditerranée et au Moyen-Orient*, Paris.
- Kluthevsky V.O. (1995). *Russian History. Third Book*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Nadein-Raevsky V.A. (2018). *Panturkism: From Ottoman Empire until Our Days and Destinies of Turkey, Russia and Armenia*, Moscow: Russkaya panorama (in Russian).
- Raimbaud M. (2015). *Tempête sur le Grand Moyen-Orient*, Paris.
- Ulchenko N.Yu. (2012). Social and Economic Development of Turkey in Ruling Period of Party of Justice and Development. *Turkey in Ruling Period of Party of Justice and Development* (eds. Ul'chenko N.Yu., Shlykov P.V.), Moscow: Institute of Oriental Studies, pp. 63–78 (in Russian).